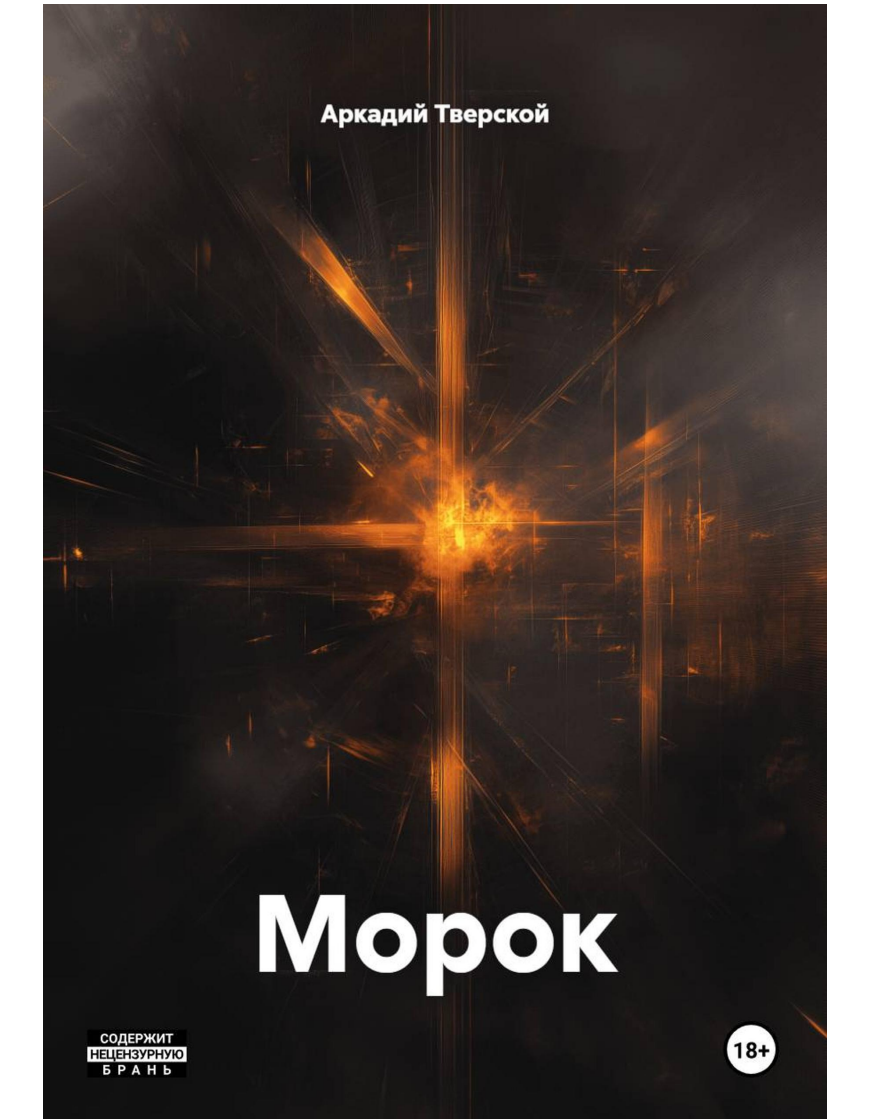

Аркадий Тверской

Морок

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Аркадий Тверской

Морок

<https://litres.ru/74632778>

SelfPub; 2026

Аннотация

Простой деревенский житель Захар теряет дочь. Отчаявшись, он нарушает древний закон и проникает в мир мёртвых, чем вызывает страшное бедствие — морок, несущий смерть и увядание.

Чтобы исправить содеянное, герою предстоит отправиться на север к могущественному колдуну Кудеяру. В пути его ждут испытания, потери и открытия. Захару предстоит не только восстановить равновесие между мирами, но и научиться жить дальше, отпустить прошлое и найти новый смысл существования.

Аркадий Тверской

Морок

МОРОК

Деревня жила тихо, будто боялась спугнуть рассвет. Туман стелился по земле, цеплялся за плетни, обволакивал колодцы и прятал избы в седой дымке. Из труб тянулся дым — лениво, неторопливо, как будто и ему не хотелось торопиться в этот сырой, тяжёлый день.

В избе Захара было темно и пахло дымом, старым деревом и хлебом, который уже начал черстветь. На стене чадила лучина, её огонёк дрожал, и тени плясали по брёвнам, будто живые. Захар сидел на лавке у печи, не спал — он вообще почти не спал с тех пор, как Лада заболела. Просто сидел, смотрел в темноту, слушал, как в тишине слышно каждое движение мира.

Лада лежала на полатах — маленькая, худенькая, будто ветер мог её унести. Ей было семь лет, но в последние дни она казалась ещё младше, будто болезнь стянула с неё возраст, как тулуп в жаркий день. Она дышала тяжело, с хрипом, и каждый её вдох отзывался в груди Захара, как удар.

Он снова тронул ей лоб — горячий, сухой, будто внутри неё развели костёр. Ладонь Захара дрогнула, но он тут же сжал пальцы в кулак. Лада не должна была видеть его страха.

Она и так видела слишком много.

— Тять, — прошептала она едва слышно, не открывая глаз. — А мы завтра на реку пойдём?

Захар помолчал. Ему хотелось сказать «да», хотелось пообещать, что они пойдут, будут сидеть на берегу, слушать, как вода шепчет, и бросать в неё камушки. Но язык не поворачивался. Он знал, что завтра может не быть.

— Посмотрим, — сказал он тихо.

Лада чуть нахмурилась, будто пыталась понять, что значит это «посмотрим».

— Это да или нет? — спросила она, и в этом вопросе было столько детского упрямства, что у Захара на секунду защемило сердце.

— Потом, — ответил он. — Спи.

Она не стала спорить. Просто закрыла глаза, повернулась на бок и затихла. Только дыхание осталось — неровное, рваное, как порванная нить.

На третий день стало ясно: лекарь не поможет. Захар нёс Ладу через деревню — она была лёгкой, почти невесомой, и от этого становилось ещё страшнее. Будто она уже наполовину ушла, растворилась в воздухе, и только тонкая ниточка держала её здесь, в его руках.

Изба лекаря пахла травами — густо, терпко, до рези в глазах. Пучки сухих трав свисали с потолка, на полках стояли горшки, на столе — ступка, в которой ещё виднелись крошки от вчерашних снадобий. Лекарь был старым, сухим,

с длинными пальцами и усталыми глазами, в которых давно не было надежды.

Он осмотрел Ладу: послушал грудь, потрогал лоб, заглянул в глаза. Потом молча встал, подошёл к полке, долго выбирал горшки, нюхал, смешивал что-то в ступке. Всё это время Захар стоял у двери, не садился, не шевелился. Только кулаки сжимались и разжимались, будто сами по себе.

Лекарь протянул ему глиняный горшочек.

— По глотку. Утром и вечером. Три дня, — сказал он ровно, без интонаций.

— Что с ней? — спросил Захар, и голос его прозвучал глухо, будто из-под земли.

Лекарь посмотрел на него. Не с жалостью — с усталостью.

— Жар я сниму. А дальше — как она сама.

— Что значит — как она сама? — повторил Захар, будто не понял слов.

— Ты слышал, — сказал лекарь и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Захар взял горшочек, подхватил Ладу и вышел. Дверь за ним закрылась тихо, но ему показалось, что она хлопнула, как удар кнутом.

Три дня прошли, как три долгих ночи. Горшочек опустел, а Ладе не стало лучше. Наоборот — она будто таяла, становилась всё прозрачнее, будто свет проходил сквозь неё. Она почти не говорила, только иногда шептала что-то, чего Захар не мог разобрать.

На шестой день она открыла глаза и посмотрела на него — не на лицо, а куда-то мимо, будто видела что-то за его спиной.

— Тять, — прошептала она. — А бересту мою... где она?

— На печке, — ответил Захар, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Лежит.

Лада кивнула, будто это было важно. Потом снова посмотрела на него, и в её взгляде мелькнуло что-то взрослое, не по годам серьёзное.

— Тять, — сказала она. — Ты обещал рыбу.

Захар сжал зубы. Он помнил. Он обещал, что, когда она поправится, они пойдут на реку и будут ловить рыбу. Он не знал, сможет ли сдержать это обещание, но тогда, в тот день, когда она болела, он сказал «обещаю», и теперь эти слова звенели в голове, как колокол.

— Обещал, — тихо сказал он. — Поправишься — пойдём.

Лада улыбнулась краем рта — слабо, едва заметно. И закрыла глаза.

А потом её дыхание стало тише. Ещё тише. Ещё. И в какой-то момент оно просто остановилось.

Лучина щёлкнула и погасла. В избе стало темно. Захар сидел, не шевелясь, держал её руку — маленькую, горячую, а потом уже не горячую. Он не плакал. Он просто сидел, слушал тишину и чувствовал, как мир становится пустым.

Он не мог поверить в её смерть. Был уверен, что пока она

здесь, на полотах, пока тело не ушло в землю — можно что-то исправить. Это была не надежда, а упрямство — тупое, глухое, которое не слушает ни разума, ни советов. После долгих раздумий он встал и вышел во двор. Садящееся солнце било в глаза, было слишком ярким, слишком живым. Захар щурился, стоял на крыльце, оглядывался, будто не узнавал места, где прожил всю жизнь. Потом повернулся и пошёл — не к реке, не в лес, а к избе на краю деревни, где жил ведун Велемир.

Велемир жил на краю деревни, в избе, крытой берёстой. К дверному косяку были привязаны узелки — травы, косточки, ключья шерсти, — и ветер шевелил их, и они постукивали, будто считали что-то своё. Захар пришёл на закате. Постоял у крыльца, потом толкнул дверь — незапертую, будто ждали.

Ведун сидел у окна, перебирал в ступке сухие коренья. Был он не стар, не дряхл — жилистый, собранный, с глазами, которые смотрели не на лицо, а сквозь него. Когда Захар вошёл, ведун не поднял головы.

— Знаешь, зачем, — сказал Захар.

— Знаю, — ответил Велемир, не переставая растирать. — И знаю, что скажу нет.

Захар молчал. Ждал.

Велемир поднял голову. Посмотрел на него — долго, будто примерял.

— Я тебя туда не поведу, — сказал он. — Тебе туда нель-

зя. Не в таком состоянии. Горячий ты. Горе тянет тебя туда, как огонь тянет мотылька. Ты не вернёшься, а если и вернёшься, то наполовину мертвецом.

— Она там одна, — прошептал Захар.

— Её там нет, — сказал Велемир. — Там только отражение. Тебе покажется — она, но это будет не она.

Захар не ответил. Сидел, смотрел в пол. Ведун смотрел на него — и в его лице не было ни жалости, ни злости, только тяжесть человека, который знает закон и не может его обойти.

— Ты должен отпустить её, — сказал Велемир. — Она ушла. Ты не можешь её вернуть. Ни отваром, ни молитвой, ни силой. Чем дольше тянешься за ней — тем хуже тебе и всем вокруг.

Захар молчал. Не слышал. Или слышал — но слова проходили сквозь него, как ветер сквозь драную крышу.

Снаружи стукнули узелки на кольях — резко, часто, будто испугались. Велемир обернулся к окну. За стеклом — мутным, давно не мытом — мелькнуло что-то тёмное. Не тень, не птица — что-то, что пронеслось мимо избы и скрылось в тумане. Велемир встал — быстро, бесшумно, как встают люди, привыкшие реагировать раньше, чем подумают. Шагнул к двери, приоткрыл её, выглянул. Узелки бились друг о друга, тряслись на кольях, будто кто-то дёргал верёвку.

— Стой здесь, — сказал он Захару, не оборачиваясь, и вышел на крыльцо.

Захар остался в избе. Сердце билось — не от страха, а от того, что он увидел, когда ведун встал. Под лавкой, у стены — деревянный ящик с резной крышкой. Велемир растирал коренья рядом, и запах стоял по всей избе — не только травами, но и чем-то другим, тёмным, густым. Захар знал этот запах. Он помнил его из детства: горький, тяжёлый, как земля после дождя.

Захар открыл ящик. Внутри, в гнезде из сухого мха, лежал пузырёк — тёмный, узкогорлый, замазанный воском. Тот самый. От которого пахло горько и тяжело. Захар сунул пузырёк за пазуху, под рубаху. Холод ударил в грудь — не от стекла, а от того, что он сделал. Секунду он стоял, не дыша, прижимая пузырёк к телу, и слушал — не стукнут ли узелки снова, не скрипнут ли ступени.

Снаружи — тишина. Велемир что-то говорил на крыльце, негромко, ровно, будто уговаривал. Узелки стихли. Шаги по ступеням — тяжёлые, неспешные.

Захар сел на лавку. Сцепил руки на коленях. Пузырёк жёг кожу сквозь рубаху, и он чувствовал каждый удар сердца — будто оно стучало не в груди, а в стекле.

Велемир вошёл. Закрыв дверь. Посмотрел на Захара — и Захар на секунду подумал, что всё: видит, знает, сейчас скажет. Но ведун не смотрел на него. Он смотрел мимо и о чём-то напряжённо думал, будто пытался что-то вспомнить, но не мог.

Потом ведун повернулся к Захару. Лицо его было стро-

гим.

— Иди, — сказал он. — И больше не приходи.

Захар встал. Кивнул. Голос его дрогнул, но ведун не придал этому значения. Захар вышел. Спустился с крыльца. Узелки на кольях молчали — не стучали, не шевелились, будто что-то знали и молчали.

Он шёл через деревню, и пузырьёк за пазухой тянул его вниз — не весом, а холодом, который расходился от груди по всему телу. Он знал, что без проводника можно не вернуться. Велемир сказал — душа не слышит тело. Но Захар думал: я услышу. Я услышу своё сердце, найду дорогу назад. Он думал так, потому что думать иначе не мог.

Велемир не заметил пропажу сразу. Он вернулся к ступке, растирал корни, бормотал рецепты. Только когда узелки на кольях снова застучали — не ветер, а быстро, часто, как испуганный пульс — он понял. Туман стоял ровно, но в нём что-то сдвинулось — тонкое, едва заметное, как накренившаяся чаша. И оттуда тянуло холодом, не сквозняком, а настоящим холодом, будто кто-то приоткрыл дверь в погреб зимой. Кто-то из живых прошёл в Навь — и мир качнулся.

Он спешно вернулся в избу, открыл ящик. Пузырька не было.

Велемир не стал одеваться. Схватил с полки бутылёк — маленький, с тёплой крышкой — и побежал. Живой отвар. Три капли — и душа, если ещё не ушла насовсем, вернётся в тело. Главное не опоздать.

Он бежал через деревню, и туман расступался перед ним, будто знал его и боялся. Вбежал в избу Захара — и дверь не скрипнула, будто даже дерево не хотело шуметь.

Захар лежал на лавке. На полатях, в двух шагах, лежала Лада — маленькая, неподвижная, накрытая лоскутным одеялом. Захар — глаза открыты, но пустые, как у куклы. Лицо белое — не бледное, а белое, как мел. Губы синие. Дышал — но едва, так тихо, что любой человек счёл бы его мёртвым. Сердце билось — но редко, и каждый удар был тише предыдущего. На столе стоял пустой пузырь.

Велемир открыл бутылку. В нём был отвар — тёмный, но тёплый, пахнувший хвоей и мёдом. Он приподнял голову Захара, наклонил бутылку и капнул — раз, два, три. Три капли на синие губы.

Ничего.

Ещё три капли.

Захар дернулся — тело выгнулось, как от удара, и из горла вырвался хрип, не крик, а хрип, будто кто-то вытаскивал его из воды. Глаза моргнули — раз, другой — и в них проступила боль. Живая боль.

Он закашлялся. Повернулся на бок. Тело тряслось, руки дрожали, зубы стучали. Велемир держал его за плечи и ждал.

Когда Захар перестал трястись и просто лежал, дыша тяжело, рвано, ведун отодвинулся. Сел рядом на лавку.

— Зачем? — спросил он тихо.

Захар не ответил сразу. Лежал и смотрел в потолок.

— Я слышал, — прохрипел он наконец. — Что в течение трёх дней можно вернуть человека из Нави. И он будет жив.

Велемир помолчал. Потом покачал головой — медленно, тяжело.

— Это не так, — сказал он. — Однажды умершие оттуда не возвращаются. Можно воскресить тело. Но не душу. Тело будет дышать, ходить, есть. Но это будет не тот человек. Пустая оболочка. Без души.

Захар закрыл глаза.

— Ты украл отвар, — продолжил Велемир, и в голосе его не было злости, только усталость. — Пошёл без проводника. С сильной болью в груди. Навь не отпускает таких людей полностью. Половина тебя застряла там. А половина вернулась. Равновесие нарушено. Теперь люди станут умирать чаще. Чувствую, что морок придёт на наши земли.

Тишина.

— Ты должен отпустить дочь, — сказал Велемир. — Она ушла. Не туда, куда ты ходил, — дальше. Ты не можешь её вернуть. Ни отваром, ни молитвой, ни силой. Только навредишь, и себе, и людям.

Захар не ответил. Он лежал и смотрел в темноту.

Велемир встал. Положил бутылёк на стол.

— Живой отвар, — сказал он. — Если станет хуже — капни три капли. Но это не лекарство. Это затычка. Рану им не залечить.

Он ушёл. Дверь за ним закрылась тихо, но окончательно.

Захар похоронил Ладу на третий день. Рядом с могилой её матери, которая умерла шесть лет назад от чахотки, когда Лада была совсем маленькой. Копал землю сам, и каждый комок сырой земли был тяжелее, чем должен был быть. Когда засыпал, стоял и смотрел на холмик, и не мог поверить, что это всё, что осталось от его дочери: горсть сырой земли и береста на печке.

С того дня, как Захар вернулся из Нави, в деревне будто качнулось что-то невидимое. Сначала это было едва заметно — как тонкая паутинка, которую не сразу увидишь, если не присматриваться. Пришёл морок.

Первой пала Милка — корова соседки Марфы. Она не просто сдохла — она будто высохла изнутри: бока ввалились, шерсть стала ломкой, глаза помутнели за один день. Молоко в крынке скисло за ночь, хотя стояло в самом прохладном углу, и пахло не просто прокисшим — а чем-то гнилым, будто в него налили воды из болота.

Потом пришла хворь к людям. Не обычная простуда, не кашель, который проходит за три дня. Это была странная слабость: человек вставал утром, собирался работать, а к полудню уже лежал, глядя в потолок, и не мог поднять руку. Дети бледнели, у стариков темнело перед глазами, и даже самые крепкие мужики ходили, будто несли на плечах невидимый груз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.